

с «*Epilogus Moraviae et Bohemiae*» (название, которое цитирует в своей хронике Козьма Пражский), но говорит также о возможности сходства с хиландарской версией и источником трактата Храбра. Все это могло бы повести к принятию тезиса Н. К. Никольского о кирилло-мефодиевском оригинале древнейшей «поляно-русской» летописи, однако Г. А. Ильинский использует Кристиана как негативное доказательство того, что «славянофильский» пафос вводных статей ПВЛ не может основываться на общем источнике ПВЛ и Кристиана, поскольку он должен был проявиться и в сочинении последнего.

Еще решительнее против взглядов Н. К. Никольского выступил В. М. Истрин. По его мнению, древнейшая редакция ПВЛ возникла на основе византийской историографии. Во время княжения Ярослава Мудрого, особенно начиная с 30-х годов XI в., наряду с византийскими богословскими и аскетическими сочинениями в Киеве появились многочисленные переводы византийских хроник: Георгия Амартола, Синкелла и Малалы. Хроника Амартола, которая заканчивалась 948 г., на киевской почве превратилась в русско-византийскую хронику. Еще в греческом оригинале содержались упоминания о Руси (с 852 г.), затем они были расширены, а с 948 г. уже можно говорить о ней как о русской хронике. Около 1054 г. — года смерти Ярослава — из нее была извлечена та часть, которая открывалась событиями под 852 г. Эта часть получила особое заглавие — так возникла «первая редакция ПВЛ». К ней были присоединены новые известия, а затем она была переработана Нестором не позднее 1113 г. — это «вторая редакция ПВЛ». В. М. Истрин считает, что «Сказание о преложении книг» входило уже в «первую редакцию ПВЛ», в то время как вводные статьи ПВЛ были составлены Нестором, который попросту расширил «Сказание о преложении книг». В. М. Истрин отрицает «славянофильскую» тенденцию в «Сказании» и видит в нем тенденцию «русифильскую». Возражая Н. К. Никольскому, он подчеркивает, что для автора ПВЛ главное — не этническая общность, но единство письменности и культуры. На втором плане, по-видимому, стоит единство веры, национальное же родство для автора «Сказания» еще менее существенно. Подробно анализируя ПВЛ, В. М. Истрин стремится примирить антагонизм между двумя ориентациями летописи, тот антагонизм, который в ней обнаружил или ей приписал Н. К. Никольский. В. М. Истрин полагает — и не без оснований, — что было бы нелогично предполагать, будто бы «грекофил» — редактор начала XII в. — намеренно выбросил все упоминания о предвизантийском христианстве в Киеве и в то же время включил в летопись «Сказание о преложении книг». В. М. Истрин убежден, что в основе своей истории крещения Руси при князе Владимире соответствует исторической действительности, что в Киеве не было никакой более древней христианской культуры западного происхождения. Н. К. Никольский указывал на то, что картина крещения Киевской Руси за один день, только по приказу князя — совершенно фантастическая; В. М. Истрин этого не отрицает. Но если действительность и была сложнее, то это еще не дает оснований говорить о каких-либо древних этапах христианства в Киевской Руси. В. М. Истрин не видит противоречия между «грекофильской» и «славянофильской» тенденциями: если оно есть в ПВЛ, то это — противоречие между образами князя, который решил крестить свою землю (поэтому Владимир, может быть, назван апостолом Руси), и Константина, который даже не принес христианства в Моравию, а является только творцом славянской письменности и культуры. «Первая редакция ПВЛ» (1054 г.) прославила князя Владимира, но не забыла и о заслугах Константина